Фольклор и антропология города Т. 8. N. 3. 2026
Тип публикации: статья
EDN: YBNIFP

«Новая мелодия старых мест»: девелопер как посредник в институционализации памяти Юрия Шатунова

ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТОПОРОВА [1], [2]

✉ valerie.elle@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0000-8557-3761
[1] Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
[2] ООО «Брусника», Тюмень, Россия

Статья посвящена роли девелопера в институционализации низового мемориального запроса в городском пространстве. На материале тюменского кейса — создания места памяти Юрия Шатунова под Профсоюзным мостом по инициативе девелоперской компании «Брусника» и при участии локального фан-сообщества — рассматривается, каким образом коммерческий актор становится посредником между желанием поклонников публично закрепить память о значимой фигуре и городскими режимами допустимости: символической политикой, инфраструктурными ограничениями, административными процедурами и правом интеллектуальной собственности. Центральный вопрос статьи формулируется следующим образом: как фанатский запрос на память переводится в устойчивый городской объект и какую роль в этом переводе играет девелопер. Методологически работа опирается на аналитическую автоэтнографию автора как участницы проекта и сочетает анализ внутренних материалов компании, полевых наблюдений, публичных коммуникаций и высказываний участников фан-сообщества. В статье показано, что в данном случае девелопер выступает не только в роли инвестора, организатора благоустройства или внешнего партнера инициативы, но и в роли актора, который отбирает, преобразует и легитимирует форму памяти, делая ее совместимой с городской инфраструктурой, правовыми нормами и публичными ожиданиями. Особое внимание уделяется тому, как в процессе институционализации меняется сам фанатский запрос: от прямого желания назвать объект именем артиста к более сложной и институционально приемлемой форме места памяти. Кейс позволяет рассматривать девелопера как участника городской политики памяти и как посредника, через которого низовая инициатива получает материальную устойчивость, публичное признание и право на место в городе.

Ключевые слова: коммеморация, место памяти, девелопер, фан-сообщество, популярная культура, городская память, Юрий Шатунов

Для цитирования статьи:
Топорова, В. А. (2026). «Новая мелодия старых мест»: девелопер как посредник в институционализации памяти Юрия Шатунова. *Фольклор и антропология города, 8*(3), 168–188.

Дата поступления в редакцию: 30.01.2026
Дата рецензирования: 27.04.2026
Дата принятия к публикации: 25.05.2026
© В. А. Топорова

Автор выражает благодарность Александру Сергеевичу Иванову за безграничную поддержку в реализации и консультации по проекту, а также Федору Сергеевичу Корандею за интерес к данной теме и содержательные советы.

Urban Folklore & Anthropology, V. 8. N. 3. 2026
Publication type: article
EDN: YBNIFP

"A new melody of old places": The developer as a mediator in the institutionalization of Yuri Shatunov's memory

VALERIA A. TOPOROVA [1], [2]

✉ valerie.elle@yandex.ru
https://orcid.org/0009-0000-8557-3761
[1] Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
[2] Brusnika LLC, Tyumen, Russia

The article examines the role of a real estate developer in the institutionalization of a grassroots memorial demand. Drawing on the Tyumen case of the Yuri Shatunov memorial site created beneath the Profsoyuzny Bridge by the developer Brusnika with the participation of a local fan community, the paper analyses how a commercial actor becomes a mediator between fans' desire to publicly commemorate a significant figure and urban regimes of legitimacy: symbolic politics, infrastructural constraints, administrative procedures, and intellectual property law. The central question is how a fan-driven memorial demand is translated into a stable urban object and what role the developer plays in that translation. Methodologically, the article relies on the author's position as a participant in the project and combines analytic autoethnography with the analysis of internal company materials, field observations, public communications, and statements by members of the fan community. The article argues that the developer in this case acts not merely as a sponsor or organizer of urban improvement, but as an actor who selects, transforms, and legitimizes the form of memory, making it compatible with urban infrastructure, legal norms, and public expectations. The fans' demand does not disappear in this process; rather, it passes through a series of transformations, from the direct wish to name a site after the singer to a more complex and institutionally acceptable memorial form.

Keywords: commemoration, site of memory, developer, fan community, popular culture, urban memory, Yuri Shatunov

To cite this article:
Toporova, V. A. (2026). "A new melody of old places": The developer as a mediator in the institutionalization of Yuri Shatunov's memory. *Urban Folklore & Anthropology*, *8*(3), 168–188.

Received: 30.01.2026
Reviewed: 27.04.2026
Accepted: 25.05.2026
© Valeria A. Toporova

The author expresses gratitude to Aleksandr Sergeevich Ivanov for his support in the implementation of the project and for his consultations, as well as to Fedor Sergeevich Korandei for his interest in the topic and his valuable advice.

Тюменский кейс памяти Юрия Шатунова показывает, как низовой мемориальный запрос проходит путь от фанатской инициативы к городской форме публичной коммеморации. Этот переход можно рассматривать через логику мнемонической стабилизации: память получает относительную устойчивость тогда, когда для нее возникает инфраструктура видимости, повторения и признания [Esteve Del Valle, Smit 2021: 1814–1816, 1826, 1828–1829]. Однако в городе такая инфраструктура устроена иначе, чем в цифровой среде. Если платформа стабилизирует память через режим отбора, ранжирования и поддержания высказываний, то город требует другого типа закрепления: памяти необходимо получить место, материальный носитель, сценарий посещения и административно допустимый способ присутствия. В центре этого перехода оказывается девелопер «Брусника», который принимает запрос сообщества, переводит его в материально узнаваемый объект и проводит через инфраструктурные, административные и правовые режимы. Речь идет о попытке закрепить в городе память о Юрии Шатунове — знаковой фигуре отечественной массовой культуры. Поэтому предметом анализа становятся те промежуточные операции, через которые память и социальное воображение получают публичное признание, материальную устойчивость и право на место в городе.

Роль застройщиков в этих процессах описана слабее, чем роль государства или городских сообществ. Между тем исследования показывают, что девелоперские компании могут использовать публично значимые и социально чувствительные инициативы как часть собственной стратегии накопления символических и пространственных преимуществ [Hyde 2018: 187]. Так, в крупных городских проектах именно девелопер часто оказывается актором, который строит жилье и благоустраивает пространство, а также производит правила его символического прочтения. В этой перспективе девелопер выступает как строителем, так и актором place-

making, влияющим на то, какие значения, сценарии использования и формы пространственного капитала закрепляются за территорией [Mosselson 2020: 277–280]. Тем самым девелопер задает физические параметры застройки и предпочтительные пространственные режимы, через которые территория начинает читаться и использоваться [Rosen 2017: 606]. Он способен придать низовой инициативе материальную форму, обеспечить ей юридическую защиту, а значит, и повлиять на то, какие именно версии памяти получают городской статус. Подобный ракурс особенно важен в случаях, когда память связана с фигурой массовой культуры, признание которой в городской среде не очевидно заранее.

Отправной точкой проекта стал конкурс на название сквера на улице Первомайской, объявленный «Брусникой» летом 2024 года[1]. В этом смысле конкурс можно рассматривать как ограниченную форму участия горожан в обсуждении будущего пространства, пусть и в рамках заранее заданного сценария [Arnstein 1969: 219]. Одновременно подобный формат соответствует логике соучастного проектирования, вовлекающего пользователей в выработку решений и смыслов, связанных с будущим объектом [Sanders, Stappers 2008: 5–6].

В обсуждение быстро включился тюменский фан-клуб Юрия Шатунова[2], а значительная часть предложений оказалась связана с именем певца и его песнями. Этот отклик показал, что корпоративный инструмент вовлечения неожиданно стал каналом для артикуляции низового мемориального запроса. Попытка прямой институционализации памяти через наименование сквера, однако, оказалась затруднена: имя артиста не было встроено в официальный символический канон города, а прежние публичные попытки увековечить его память не получили поддержки[3]. В результате перед девелопером возникла нестандартная задача: перевести запрос фанатов в такую форму, которая была бы публично узнаваема, но при этом допустима с точки зрения городской политики, инфраструктуры и права.

Именно данная ситуация, а не коммеморация как таковая в самом широком смысле, составляет предмет настоящей работы. Исследовательский вопрос статьи можно сформулировать следующим образом: как желание поклонников закрепить память о популярном артисте превращается в устойчивый городской объект, и какую роль в этом процессе берет на себя девелопер. В этой формулировке память о Юрии Шатунове понимается шире личных воспоминаний об артисте: в фанатском запросе она соединя-

[1] https://t.me/brusnikacompany/2901

[2] https://vk.com/yura_tmn

[3] https://megatyumen.ru/obshestvo/novyj-mer-ego-slushaet-tyumency-prizyvayut-vlasti-sozdat-skver-v-chest-yuriya-shatunova-kommentarij-administracii/

ется с желанием публичного признания сообщества и с попыткой установить символическую связь между фигурой артиста и конкретным городским местом. В тюменском кейсе Брусника оказывается между несколькими режимами допустимости: ожиданием фан-сообщества, инфраструктурой подмостового пространства, административными согласованиями, авторским правом и представлениями о публичной уместности. Поэтому коммеморация здесь рассматривается как процесс, в котором аффективная память поклонников, социальное воображение о возможной связи артиста с Тюменью и право группы на присутствие в городском пространстве проходят через отбор, преобразование и легитимацию.

Теоретические ориентиры

В тюменском кейсе память становится городской не сразу. Сначала она держится внутри фанатской среды: в песнях, личных историях, разговорах, повторяемых жестах узнавания. В исследовании цифровой памяти Майкла Джексона этот процесс описан как мнемоническая стабилизация: память о популярном артисте постоянно меняется, но отдельные ее версии получают относительную устойчивость через инфраструктуру Reddit — посты, комментарии, правила видимости, модерацию и повторяемые действия пользователей [Esteve Del Valle, Smit 2021: 1811–1814, 1817–1818, 1828]. Здесь важна сама логика стабилизации: память закрепляется внутри сообщества, а затем получает устойчивость через инфраструктуру, которая задает правила ее видимости. В истории тюменского кейса эту роль берет на себя городская среда: конкурс нейминга, место под мостом, художественный объект, маршрут считывания, согласования и правовые ограничения. Поэтому дальше рассматривается, как фанатская память о Юрии Шатунове выходит из внутреннего круга поклонников и закрепляется как городская форма коммеморации.

Для такого закрепления память должна была получить форму, способную существовать в городской среде как публично допустимый объект. В исследованиях памяти и места подчеркивается, что память закрепляется не только через символы, но и через конкретные пространственные условия [De Nardi et al. 2019: 2–4]. Она почти всегда затрагивает вопросы идентичности, признания и конфликта вокруг допустимых версий прошлого [Hoelscher, Alderman 2004: 348–349]. Поэтому объект под Профсоюзным мостом следует рассматривать в первую очередь как форму памяти, которая должна была пройти легитимацию, а не как декоративный элемент среды.

Для рассматриваемого случая принципиален переход от памяти, которая живет внутри фанатского сообщества, к памяти, получающей публичную и пространственную форму. Внутри группы она

поддерживается через песни, личные истории, разделяемые знаки узнавания и постоянную работу со значениями [Jenkins 1992: 52–54; Hills 2002: 10–11]. Но при выходе в город такой памяти уже недостаточно быть значимой только для своих: она должна стать читаемой для внешней аудитории, получить место, форму и основания для публичного присутствия. Поэтому тюменский сюжет близок к низовым мемориальным практикам, где спонтанный запрос постепенно превращается в более устойчивую городскую форму [Santino 2006: 5; Margry, Sánchez-Carretero 2011: 2–3, 16, 18–19]. Важно проследить и сам фанатский запрос, и то, как он меняется, когда проходит через пространство города, право и процедуры согласования.

Участие девелопера в кейсе необходимо рассматривать как источник символического эффекта, возникающего вокруг публичной работы с памятью. В логике Пьера Бурдьё признание и престиж можно понимать как формы капитала, способные переходить в другие ресурсы [Bourdieu 1986: 252–253, 255]. В тюменском кейсе символический эффект участия девелопера складывается иначе: в постсоветском контексте публичная ностальгия нередко связывается с материальными предметами и вещными кодами эпохи, через которые память получает аффективную и культурную устойчивость [Melkumyan 2025: 1113]. Участие компании в легитимации памяти может укреплять ее публичный образ. В этом смысле коммеморация связана с динамикой публичной ностальгии и символическим обращением с прошлым [Niemeyer, Keightley 2020: 1641], а участие бизнеса в таких процессах — с принятием на себя части публичных функций [Matten, Crane 2005: 171]. Такой тип участия близок к логике корпоративной социальной ответственности, где бизнес выходит за пределы исключительно производственных задач и начинает действовать в поле общественно значимых вопросов [Carroll 1999: 274]. Поэтому в тюменском кейсе «Брусника» выступает посредником, через которого фанатская память получает институциональную форму, а сама компания — символический эффект.

Материалы и метод

Работа опирается на аналитическую автоэтнографию автора как участницы проекта [Anderson 2006: 375, 378–379, 385–389]. При этом для данного исследования важна не исповедальная логика автоэтнографии, а ее аналитический потенциал и рефлексивная работа с исследовательской позицией в поле [Delamont 2009: 51]. В более широком методологическом поле автоэтнография понимается как способ соединения личного опыта, культурного контекста и аналитического описания исследуемой ситуации [Ellis, Adams, Bochner 2011: 273–274]. В российском исследовательском контексте возмож-

ности этого подхода подробно обсуждает Д. М. Рогозин [Рогозин 2015: 224, 249–250]. Методологическая ценность такой позиции связана с доступом к тем данным, которые трудно получить извне: внутренней переписке, обсуждениям с коллегами, процедурам согласования, аргументации юристов, переговорам с подрядчиками и представителями фан-сообщества. Благодаря этой позиции стало возможным проследить логику решений, через которые фанатский запрос был переведен в конкретную городскую форму.

Эмпирическую основу составили внутренние материалы компании, полевой дневник автора, наблюдения за использованием места памяти в первые месяцы после открытия[4], а также публичные материалы: сообщения компании, медийные публикации, открытые сообщения фан-сообщества и высказывания участников проекта. Для целей статьи автоэтнография используется как способ реконструкции институциональной логики кейса, поэтому основной аналитический акцент смещен с переживаний автора на последовательность решений, распределение ролей и изменение формы мемориального запроса в процессе его институционализации.

Кейс: от конкурса нейминга к месту памяти под мостом

На первом этапе проект выглядел как обычная для девелопера практика вовлечения горожан. Конкурс на название сквера должен был стимулировать интерес к новой локации[5], собрать предложения и продемонстрировать открытость компании к диалогу с городом. Однако почти сразу выяснилось, что конкурс начал функционировать как площадка для предъявления памяти. Заявки, связанные с именем Юрия Шатунова, были не единичными: они складывались в заметный коллективный жест, в котором фанаты стремились закрепить в городской среде память о важной для них фигуре[6].

На этом этапе у запроса была вполне определенная форма: для поклонников казалось значимым публичное присвоение имени, то есть максимально прямая и узнаваемая форма увековечивания. Однако эта форма вступала в конфликт с несколькими ограничениями. Во-первых, имя артиста не имело прямой биографической связи с Тюменью. Во-вторых, речь шла о пространстве, включенном в более широкий проект девелопера, поэтому любое решение должно было быть публично объяснимым для горожан и приемлемым для городских институций. В-третьих, прямое наименование

[4] https://architime.ru/activity/2025/stat_mesto_pamiati.htm
[5] https://tyumen.brusnika.ru/projects/1a/
[6] https://tmn.aif.ru/culture/poklonniki-yuriya-shatunova-hotyat-otkryt-v-tyumeni-pamyatnoe-mesto

сквера означало бы столкновение с муниципальной символической политикой, где действуют собственные критерии отбора фигур и названий[7]. Уже здесь стало ясно, что девелопер может либо отказаться от фанатского запроса как от «чужой» повестки, либо попытаться перевести его в иную форму.

Причём тут Юрий Шатунов?

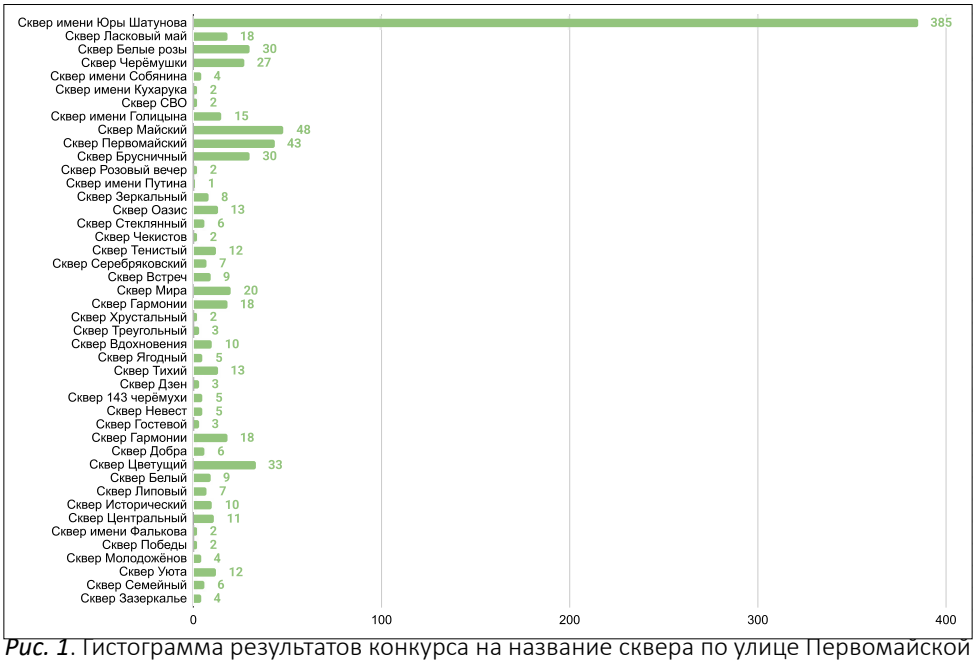

Рис. 1. Гистограмма результатов конкурса на название сквера по улице Первомайской

Fig. 1. Histogram of the results of the naming contest for the square on Pervomayskaya Street

Для «Брусники» этот момент оказался принципиальным. Игнорирование отклика разрушало бы саму логику объявленного участия: если конкурс открывает пространство для инициативы горожан, то массовый запрос поклонников артиста нельзя просто не заметить. Но и исполнить его в том виде компания не могла. Поэтому в проекте возникает новая задача: не удовлетворить требование фан-сообщества буквально, а найти формат, в котором память была бы одновременно узнаваема для поклонников и приемлема для города. Поэтому сдвиг от прямого исполнения к поиску медиирующей формы стал первым шагом к превращению застройщика в посредника памяти.

[7] http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501160039?index=1

Перевод запроса: выбор локации и художественного языка

Выбор пространства под Профсоюзным мостом стал первым серьезным изменением исходного запроса. До конкурса внутри компании уже обсуждалось художественное переосмысление участка: подмостовая зона воспринималась как транзитная, недоиспользованная, маргинализированная и почти невидимая в повседневном маршруте. Исследования пространств под мостами и эстакадами показывают, что такие территории часто становятся предметом интервенций, возвращающих им безопасность, сценарии использования и символическую ценность [Lak et al. 2019: 469]. В тюменском кейсе это пространство оказалось удобным именно потому, что позволяло одновременно решить урбанистическую задачу и вывести мемориальную инициативу за пределы прямой топонимической борьбы.

Подмостовая территория фактически стала пространством-посредником. Она не была официальным сквером с именем и не сводилась к стихийному мемориалу. Здесь можно было создать объект, который признает запрос фан-сообщества, делая это в другой форме — через материальную, пространственную и маршрутную организацию памяти. То есть уже на уровне выбора локации запрос прошел первую трансформацию: от желания назвать место именем артиста — к поиску отдельной мемориальной точки, встроенной в инфраструктурную ткань города.

Не менее важным оказался выбор художественного языка. Первые эскизы, обсуждавшиеся в компании, опирались на набор узнаваемых фанатских клише: яркость, портретность, прямые отсылки к сценическому образу и клиповой эстетике. С точки зрения части команды такой вариант делал память слишком буквальной и визуально уязвимой: объект легко мог восприниматься как китч, ностальгический аттракцион или рекламная стилизация. В результате был выбран иной путь — работа с вещной памятью [Голубев 2022: 21–25]. Центральным мотивом стал кассетный плеер, а дополнительной деталью — ручка Bic как обыденный способ перемотки пленки. Через эти детали память о Шатунове переводилась в поколенческий регистр: объект отсылал к позднесоветской и раннепостсоветской повседневности, где популярная музыка закреплялась через домашнее прослушивание, переписывание и личные коллекции [Юрчак 2014: 82–85].

Выбор этого художественного решения был важным эстетически и институционально, ведь девелопер не просто «смягчил» запрос фанатов Юрия Шатунова: он придал ему форму, способную существовать в публичном пространстве без прямой героизации и без конфликта с образом современной городской среды. Анало-

гичным образом была решена и работа с текстом: строка из песни «Детство, детство, ты куда спешишь? Детство, детство, ты куда бежишь?» была распределена по колоннам, так что фраза собиралась в движении. Тем самым память переставала быть статичным знаком и превращалась в маршрутную практику, то есть буквально в сценарий прохождения места: объект удерживает прошлое через повторяемое действие, в котором память заново считывается и переживается. Одновременно этот художественный ход опирался на аффективную силу популярной музыки. Песни, связанные с личной биографией слушателя, знакомые и эмоционально насыщенные, сильнее вызывают ностальгическое переживание [Barrett et al. 2010: 394]. Эффект такого возвращения особенно заметен в музыке, прочно ассоциированной с молодостью и личной биографией [Krumhansl, Zupnick 2013: 2057]. Здесь важно отметить, что речь идет о русской поп-музыке рубежа 1980–1990-х годов, внутри которой память о Юрии Шатунове получила свою массовую и поколенческую силу [Журкова 2023: 61–62].

Рис. 2. Место памяти Юрия Шатунова под Профсоюзным мостом, Тюмень, 2025 год. Фото автора статьи

Fig. 2. The Yuri Shatunov memorial site beneath the Profsoyuzny Bridge, Tyumen, 2025. Photo by the author

Легитимация памяти: инфраструктура, право, организация

Если выбор локации и художественного языка задавал форму памяти, то следующий этап делал ее допустимой. Именно здесь наиболее отчетливо проявилась посредническая роль застройщика. Реализация коммеморации артиста потребовала согласований с городскими структурами, отвечающими за дорожную инфраструктуру и транспортную безопасность[8]. На этом уровне речь шла о праве вмешательства в конкретный участок городской ткани, о технических параметрах работ, о допуске подрядчиков, освещении, подготовке поверхностей и соблюдении норм безопасности[9]. Иначе говоря, память могла получить городскую форму только при условии, что ее материальный носитель пройдет процедуры инфраструктурного управления.

Второй фильтр был правовым и был связан с режимом авторского права. Когда окончательная концепция уже складывалась, оказалось, что публичное использование строки из песни требует согласования с правообладателем. Для фанатов цитата из «Детства» выглядела почти народной: ее знают, поют, связывают с личными воспоминаниями, для юристов компании — объектом правовой защиты. Поэтому буквальная узнаваемость текста должна была быть заново разрешена в юридическом поле. Даже в случае очевидной и коллективно разделяемой памяти публичная форма коммеморации проходит через режим собственности и не может быть объяснена только искренностью чувства или культурной значимостью.

Фан-сообщество здесь не исчезло из процесса. Через администратора фан-клуба удалось выйти на представителей семьи Юрия Шатунова и получить актуальный контакт для переговоров. Тем самым поклонники участвовали в дальнейшей легитимации своего запроса. Однако их роль изменилась. В начале они формулировали требование: имя артиста должно появиться в городе. Позже они стали одним из каналов, через который компания обеспечивала допустимость проекта. Это не отменяет фанатского участия, но показывает, как меняется его положение при институционализации. Здесь проявилась двойственная структура кейса: фанатская память сохранила свою инициирующую силу, но для получения городской устойчивости должна была пройти через организационные и правовые механизмы, контролируемые уже непосредственно девелопером.

Объект стал возможен потому, что фанатский запрос прошел несколько фильтров: пространственный, эстетический, инфраструк-

[8] https://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/struktura-administracii-goroda-tumeni/departaments/departament-dorojnoi-infrastrukturi-i-transporta/

[9] Федеральный закон «О транспортной безопасности» от 09.02.2007 № 16-ФЗ.

турный, правовой и репутационный. «Брусника» не была автором памяти с нуля, но именно она соединила эти режимы и проделала работу, без которой инициативу было бы сложно удержать в городе. В этом и состоит посредничество: компания признала запрос значимым, изменила его форму и провела через процедуры, где фанатская настойчивость сама по себе уже не могла быть достаточным аргументом.

Фан-сообщество и трансформация запроса

В финальном варианте проект сохранил связь с артистом, но отказался от буквальности как от доминирующего принципа: память была перенесена с имени на эпоху, с портрета — на вещный и маршрутный опыт, с требования назвать — на возможность возвращаться, читать, останавливаться, фотографировать, оставлять цветы и совершать другие практики.

Рис. 3. Открытие места памяти Юрия Шатунова под Профсоюзным мостом, Тюмень, 2025 год. Фото автора статьи
Fig. 3. Opening of the Yuri Shatunov memorial site under the Profsoyuzny Bridge, Tyumen, 2025. Photo by the author

Такое преобразование не означает, что фанатское участие стало номинальным. Напротив, именно благодаря их давлению и настойчивости вопрос о памяти вошел в повестку проекта. Но итоговая форма была выработана уже в иной логике: девелопер взял на себя

функцию перевода, а значит, и функцию отбора. Для сообщества важными были имя артиста, публичное признание его связи с Тюменью и появление места, куда можно прийти. В итоговой форме прямое наименование, портретность и статус официального мемориала были заменены более опосредованным языком — кассетным плеером, строкой песни и маршрутом считывания. В этом и проявляется институционализация: память получает городскую форму, но вместе с ней меняет способ собственного выражения.

При этом для фанатов решающим оказался сам факт публичного признания памяти. Важным становилось появление устойчивого места, в котором память о кумире получала адрес, материальную опору и возможность возвращения. Поэтому итоговый объект был воспринят скорее как компромиссная, но подлинная форма признания: институционализация не уничтожает низовую память, а изменяет способ ее присутствия в городе, переводя аффективное требование в форму, совместимую с другими режимами допустимости.

Рис. 4. Авто- и мотопробег фан-сообщества Юрия Шатунова к месту памяти. Тюмень, 2025 год. Фото автора статьи
Fig. 4. Car and motorcycle rally of Yuri Shatunov's fan community to the commemoration site. Tyumen, 2025. Photo by the author

В устных репликах, зафиксированных автором, звучали как ностальгия и личная эмоциональная связь с песнями Юрия Шатунова, так и мотивы признания: важным оказывалось, что у памяти появилось «свое» место в городе и что этот жест был сделан кон-

кретным актором. Одна из участниц фан-сообщества вспоминала, что: «Юра Шатунов — под него влюблялись, под него гуляли, пели, плакали»[10]. Другая отметила, что испытывает гордость за город и за тюменцев и адресовала компании эмоциональное: «"Брусника" — форева. Молодцы. Пять баллов»[11]. В этих репликах участие «Брусники» описывается через благодарность: для части сообщества компания стала тем, кто услышал фанатский запрос и помог ему дойти до реализации коммеморативного пространства.

Рис. 5. Место возложения рядом с местом памяти Юрия Шатунова. Тюмень, 2025. Фото автора статьи

Fig. 5. Place for laying flowers next to the Yuri Shatunov commemorative site. Tumen, 2025. Photo by the author

После открытия вокруг локации стали складываться повторяемые сценарии. По полевым наблюдениям автора, сюда стали приходить, чтобы возложить цветы, сфотографировать колонны, по-

[10] Интервью с участницей тюменского фан-сообщества Юрия Шатунова. Тюмень, 29.05.2025. Полевой дневник автора.

[11] Интервью с участницей тюменского фан-сообщества Юрия Шатунова. Тюмень, 29.05.2025. Полевой дневник автора.

казать место знакомым, пройти привычный маршрут с остановкой, участвовать в авто- и мотопробеге, посадить цветы или прибраться[12]. Такие действия важнее, чем разовый эффект открытия, ведь они превращают объект из художественного решения в место памяти. И здесь память получает устойчивость потому, что ее значимость регулярно подтверждается коллективным использованием [Vardaki 2006: 58–60].

О локации написали в федеральных и региональных СМИ, городских пабликах[13], но ее жизнеспособность определяется не медийным упоминанием. В данном случае куда важнее то, что фанаты начали поддерживать место собственными силами: высадка цветов, фотографии, совместные поездки, уход за локацией — это способ осуществлять коммеморацию после завершения проекта. Через эти практики фанатский запрос остался внутри объекта как регулярное и повторяемое действие.

Рис. 6. Место возложения рядом с местом памяти Юрия Шатунова. Тюмень, 2025. Фото автора статьи

Fig. 6. Place for laying flowers next to the Yuri Shatunov commemorative site. Tumen, 2025. Photo by the author

[12] Полевые наблюдения автора на месте памяти Юрия Шатунова, Тюмень, сентябрь 2025.

[13] https://t-l.ru/381881.html

Девелопер как посредник и легитимирующий актор

Роль «Брусники» в этом случае нельзя точно описать словами «спонсор» или «заказчик благоустройства». Спонсорство предполагает поддержку уже понятной формы, здесь форма возникала в процессе. Компания сначала столкнулась с инициативой поклонников как с неожиданным результатом собственной коммуникационной процедуры, затем отказалась от буквального топонимического решения, выбрала другую локацию, обсуждала художественные решения, проходила инфраструктурные согласования, решала вопрос авторского права, организовывала производство и публичное открытие.

Память о Шатунове существовала до проекта: она жила в фанатских группах, песнях, личных историях, прежних попытках добиться признания, но городской статус она получила только тогда, когда была встроена в материальную среду и прошла через определенные процедуры. «Брусника» же сделала память видимой, допустимой и инфраструктурно жизнеспособной. Поэтому точнее здесь говорить о девелопере как о посреднике, который берет на себя часть публичных функций, обычно распределенных между властью, культурными институтами и городскими сообществами [Matten, Crane 2005: 171], и переводит низовой запрос в форму, которую город может принять.

Рис. 7. Открытие места памяти Юрия Шатунова под Профсоюзным мостом, Тюмень, 2025 год. Фото автора статьи

Fig. 7. Opening of the Yuri Shatunov memorial site under the Profsoyuzny Bridge, Tyumen, 2025. Photo by the author

Здесь становится понятным и вопрос о символическом эффекте проекта. Было бы чрезмерным утверждать, что память Юрия Шатунова в данном случае стала коммерческим продуктом или что можно прямо измерить ее капитализацию. Корректнее говорить о более ограниченном результате: участие в таком проекте создает условия для символического эффекта и может работать на публичный образ компании как актора, способного действовать в сложном городском поле, слышать низовые инициативы и брать на себя ответственность за их легитимацию. Поэтому коммеморация в данном кейсе выступает прежде всего формой репутационной и символической работы в городской среде, последствия которой следует фиксировать осторожно, не приписывая проекту больший эффект, чем позволяет имеющийся материал [Niemeyer, Keightley 2020: 1640].

Заключение

Тюменский кейс показывает, что наиболее продуктивно рассматривать его как процесс институционализации памяти через посредничество коммерческого актора, где низовой запрос на память о Юрии Шатунове возник вне девелоперской логики, но именно «Брусника» оказалась тем субъектом, который смог перевести его в устойчивую городскую форму, совместимую с требованиями инфраструктуры, административного согласования, авторского права и публичной уместности. В этом состоит основное содержание его роли.

Анализ также показывает, что фанатское участие в кейсе нельзя сводить ни к символической массовке, ни к полному авторству результата. Сообщество инициировало запрос, поддержало его, стало посредником в выходе на правообладателя и затем включило объект в повторяемые практики памяти. Однако окончательная форма коммеморации была выработана уже в процессе отбора и преобразования, где решающую роль играл девелопер. Память сохранила свою фанатскую аффективную основу, однако обрела городскую форму лишь ценой изменения собственной формы.

Полученный материал позволяет уточнить роль застройщика в городской политике памяти: девелоперы могут выступать не только преобразователями среды, но и посредниками в институционализации низовых практик памяти, если готовы брать на себя ограничения, риски и ответственность, расширяя свою роль за пределы производственных задач — в логике корпоративного гражданства [Matten, Crane 2005: 171, 173–175]. Взаимодействие этих акторов приводит к появлению городского места памяти, выбивающегося из привычного мемориального ландшафта и показывающего, что популярная культура и фанатские практики могут находить

устойчивое пространственное закрепление в городе через коммерческого посредника.

Литература

Голубев, А. В. (2022). *Вещная жизнь. Материальность позднего социализма.* М.: Новое литературное обозрение.

Журкова, Д. А. (2023). *«Песни ни о чем»? Русская поп-музыка на рубеже 1980–1990-х годов*. М.: Новое литературное обозрение.

Рогозин, Д. М. (2015). Как работает автоэтнография? *Социологическое обозрение*, *14*(1), 224–273. https://elibrary.ru/TRRRBD

Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение.* М.: Новое литературное обозрение.

Anderson, L. (2006). Analytic autoethnography. *Journal of Contemporary Ethnography*, *35*(4), 373–395. https://doi.org/10.1177/0891241605280449 https://elibrary.ru/JNEBXT

Arnstein, S. R. (1969). A ladder of citizen participation. *Journal of the American Institute of Planners, 35*(4), 216–224. https://doi.org/10.1080/01944366908977225

Barrett, F. S., Grimm, K. J., Robins, R. W., Wildschut, T., Sedikides, C., Janata, P. (2010). Music-evoked nostalgia: Affect, memory, and personality. *Emotion, 10*(3), 390–403. https://doi.org/10.1037/a0019006

Bourdieu, P. (1986). The forms of capital. In J. G. Richardson (Ed.). *Handbook of theory and research for the sociology of education*, 241–258. New York: Greenwood Press.

Carroll, A. B. (1999). Corporate social responsibility: Evolution of a definitional construct. *Business & Society, 38*(3), 268–295. https://doi.org/10.1177/000765039903800303 https://elibrary.ru/JLJXQV

De Nardi, S., Orange, H., High, S., Koskinen-Koivisto, E., Poppi, F. (Eds.). (2019). *The Routledge Handbook of Memory and Place.* London, New York: Routledge.

Delamont, S. (2009). The only honest thing: Autoethnography, reflexivity and small crises in fieldwork. *Ethnography and Education*, *4*(1), 51–63. https://doi.org/10.1080/17457820802703507

Ellis, C., Adams, T. E., Bochner, A. P. (2011). Autoethnography: An overview. *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*, *36*(4), 273–290. https://doi.org/10.12759/hsr.36.2011.4.273-290

Esteve Del Valle M., Smit R. (2021). Moonwalking together: Tracing Redditors' digital memory work on Michael Jackson. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies, 27*(6), 1812–1832. https://doi.org/10.1177/13548565211003878

Hills, M. (2002). *Fan Cultures.* London, New York: Routledge.

Hoelscher, S., Alderman, D. H. (2004). Memory and place: Geographies of a critical relationship. S*ocial & Cultural Geography*, *5*(3), 347–355. https://doi.org/10.1080/1464936042000252769

Hyde, Z. (2018). Giving back to get ahead: Altruism as a developer strategy of accumulation through affordable housing policy in Toronto and Vancouver. *Geoforum, 134*, 187–196. https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.07.005 https://elibrary.ru/TKGVED

Jenkins, H. (1992). *Textual poachers: Television fans and participatory culture.* New York: Routledge.

Krumhansl, C. L., Zupnick, J. A. (2013). Cascading reminiscence bumps in popular music. *Psychological Science, 24*(10), 2057–2068. https://doi.org/10.1177/0956797613486486

Lak, A., Ramezani, M., Aghamolaei, R. (2019). Reviving the lost spaces under urban highways and bridges: An empirical study. *Journal of Place Management and Development*, *12*(4), 469–484. https://doi.org/10.1108/JPMD-12-2018-0101

Margry, P. J., Sánchez-Carretero, C. (Eds.). (2011). *Grassroots memorials: The politics of memorializing traumatic death.* New York, Oxford: Berghahn Books.

Matten, D., Crane, A. (2005). Corporate citizenship: Toward an extended theoretical conceptualization. *Academy of Management Review, 30*(1), 166–179. https://doi.org/10.5465/amr.2005.15281448

Melkumyan, D. (2025). Mobilities, commodification of Soviet memories and affective power of items: connecting souvenir bazaars in Georgia and Armenia. *Mobilities, 20*(6), 1113–1125. https://doi.org/10.1080/17450101.2025.2576268

Mosselson, A. (2020). Habitus, spatial capital and making place: Housing developers and the spatial praxis of Johannesburg's inner-city regeneration. *Environment and Planning A: Economy and Space*, *52*(2), 277–296. https://doi.org/10.1177/0308518X19830970

Niemeyer, K., Keightley, E. (2020). The commodification of time and memory: Online communities and the dynamics of commercially produced nostalgia. *New Media & Society, 22*(9), 1639–1662. https://doi.org/10.1177/1461444820914869 https://elibrary.ru/UGHZAH

Rosen, G. (2017). Toronto's condo-builders: Development approaches and spatial preferences. *Urban Geography*, *38*(4), 606–625. https://doi.org/10.1080/02723638.2016.1179426

Sanders, E. B.-N., Stappers, P. J. (2008). Co-creation and the new landscapes of design. *CoDesign, 4*(1), 5–18. https://doi.org/10.1080/15710880701875068

Santino, J. (Ed.). (2006). *Spontaneous shrines and the public memorialization of death.* New York: Palgrave Macmillan.

Vardaki, E. (2006). Cultural memory, social fame. The role of memory in the social construction of a local community. *Anthropological Perspectives on Social Memory, 15*, 49–62.

References

Anderson, L. (2006). Analytic autoethnography. *Journal of Contemporary Ethnography*, *35*(4), 373–395. https://doi.org/10.1177/0891241605280449 https://elibrary.ru/JNEBXT

Arnstein, S. R. (1969). A ladder of citizen participation. *Journal of the American Institute of Planners, 35*(4), 216–224. https://doi.org/10.1080/01944366908977225

Barrett, F. S., Grimm, K. J., Robins, R. W., Wildschut, T., Sedikides, C., Janata, P. (2010). Music-evoked nostalgia: Affect, memory, and personality. *Emotion, 10*(3), 390–403. https://doi.org/10.1037/a0019006

Bourdieu, P. (1986). The forms of capital. In J. G. Richardson (Ed.). *Handbook of theory and research for the sociology of education*, 241–258. New York: Greenwood Press.

Carroll, A. B. (1999). Corporate social responsibility: Evolution of a definitional construct. *Business & Society, 38*(3), 268–295. https://doi.org/10.1177/000765039903800303 https://elibrary.ru/JLJXQV

De Nardi, S., Orange, H., High, S., Koskinen-Koivisto, E., Poppi, F. (Eds.). (2019). *The Routledge Handbook of Memory and Place.* London, New York: Routledge.

Delamont, S. (2009). The only honest thing: Autoethnography, reflexivity and small crises in fieldwork. *Ethnography and Education*, *4*(1), 51–63. https://doi.org/10.1080/17457820802703507

Ellis, C., Adams, T. E., Bochner, A. P. (2011). Autoethnography: An overview. *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*, *36*(4), 273–290. https://doi.org/10.12759/hsr.36.2011.4.273-290

Esteve Del Valle M., Smit R. (2021). Moonwalking together: Tracing Redditors' digital memory work on Michael Jackson. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies, 27*(6), 1812–1832. https://doi.org/10.1177/13548565211003878

Golubev, A. V. (2022). *The life of things. The materiality of Late Socialism*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Hills, M. (2002). *Fan Cultures.* London, New York: Routledge.

Hoelscher, S., Alderman, D. H. (2004). Memory and place: Geographies of a critical relationship. S*ocial & Cultural Geography*, *5*(3), 347–355. https://doi.org/10.1080/1464936042000252769

Hyde, Z. (2018). Giving back to get ahead: Altruism as a developer strategy of accumulation through affordable housing policy in Toronto and Vancouver. *Geoforum, 134*, 187–196. https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.07.005 https://elibrary.ru/TKGVED

Jenkins, H. (1992). *Textual poachers: Television fans and participatory culture.* New York: Routledge.

Krumhansl, C. L., Zupnick, J. A. (2013). Cascading reminiscence bumps in popular music. *Psychological Science, 24*(10), 2057–2068. https://doi.org/10.1177/0956797613486486

Lak, A., Ramezani, M., Aghamolaei, R. (2019). Reviving the lost spaces under urban highways and bridges: An empirical study. *Journal of Place Management and Development*, *12*(4), 469–484. https://doi.org/10.1108/JPMD-12-2018-0101

Margry, P. J., Sánchez-Carretero, C. (Eds.). (2011). *Grassroots memorials: The politics of memorializing traumatic death.* New York, Oxford: Berghahn Books.

Matten, D., Crane, A. (2005). Corporate citizenship: Toward an extended theoretical conceptualization. *Academy of Management Review, 30*(1), 166–179. https://doi.org/10.5465/amr.2005.15281448

Melkumyan, D. (2025). Mobilities, commodification of Soviet memories and affective power of items: connecting souvenir bazaars in Georgia and Armenia. *Mobilities, 20*(6), 1113–1125. https://doi.org/10.1080/17450101.2025.2576268

Mosselson, A. (2020). Habitus, spatial capital and making place: Housing developers and the spatial praxis of Johannesburg's inner-city regeneration. *Environment and Planning A: Economy and Space*, *52*(2), 277–296. https://doi.org/10.1177/0308518X19830970

Niemeyer, K., Keightley, E. (2020). The commodification of time and memory: Online communities and the dynamics of commercially produced nostalgia. *New Media & Society, 22*(9), 1639–1662. https://doi.org/10.1177/1461444820914869 https://elibrary.ru/UGHZAH

Rogozin, D. M. (2015). How autoethnography works? *Sotsiologicheskoe obozrenie*, *14*(1), 224–273. https://elibrary.ru/TRRRBD (In Russian).

Rosen, G. (2017). Toronto's condo-builders: Development approaches and spatial preferences. *Urban Geography*, *38*(4), 606–625. https://doi.org/10.1080/02723638.2016.1179426

Sanders, E. B.-N., Stappers, P. J. (2008). Co-creation and the new landscapes of design. *CoDesign, 4*(1), 5–18. https://doi.org/10.1080/15710880701875068

Santino, J. (Ed.). (2006). *Spontaneous shrines and the public memorialization of death.* New York: Palgrave Macmillan.

Vardaki, E. (2006). Cultural memory, social fame. The role of memory in the social construction of a local community. *Anthropological Perspectives on Social Memory, 15*, 49–62.

Yurchak, A. (2014). *Everything was forever until it was no more. The Last Soviet generation*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Zhurkova, D. A. (2023). *Songs about nothing? Russian pop music at the turn of the century: 1980–1990s*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).